

РЕФЕРЕНДУМ КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИЦИПАЦИИ: ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ

Игорь Владимирович Аксёнов,

Законодательное Собрание Свердловской области,
Екатеринбург, Россия,
aks-i@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2021, принята к публикации 04.05.2022

Для цитирования: Аксёнов И.В. Референдум как институт политической партиципации: опыт Швейцарии // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 2. С. 118-137. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_118

Аннотация

Актуальным трендом развития государственного и муниципального управления в зарубежных странах является увеличение политической инклюзии. Целью статьи является анализ референдума как института политической партиципации на примере Швейцарии, где в среднем каждый год проходит свыше десяти общенациональных плебисцитов – больше, чем во всех остальных странах Европы вместе взятых. Также референдумы организуются на уровне швейцарских кантонов и муниципалитетов. Исследование строится на анализе правовой и организационной базы их проведения. Теоретическую основу составляют актуальные работы отечественных и зарубежных авторов, изучающих опыт Швейцарии в общеевропейском контексте. Эмпирической базой выступают правовые акты Швейцарии и данные о референдумах, предоставляемые Федеральной канцелярией. Особое внимание в статье уделяется ситуации с плебисцитами в швейцарских кантонах: сравниваются допустимые типы голосований и особенности их реализации. Анализируются отдельные резонансные голосования, например, по вопросу миграции и запрета строительства минаретов. Делается вывод о том, что референдум не является самостоятельным институтом политической партиципации, однако он способствует форми-

© Аксёнов И.В., 2022

рованию определенной электоральной культуры. Ее основными характеристиками выступают невосприимчивость к популизму, высокий интерес к политике, серьезное отношение к процессу принятия политических решений. В заключительной части статьи автор подчеркивает, что опыт Швейцарии является автохтонным, его прямое копирование не представляется возможным. В то же время общие принципы, заложенные в швейцарские референдумы, могут быть применены в других странах.

Ключевые слова:

Швейцария, политическая партиципация, референдум, обязательный референдум, факультативный референдум, народная инициатива.

UDC 342.573

DOI: 10.17506/18179568_2022_19_2_118

REFERENDUM AS AN INSTITUTION OF POLITICAL PARTICIPATION: THE SWISS EXPERIENCE

Igor V. Aksenov,

Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region,
Ekaterinburg, Russia,
aks-i@yandex.ru

Article received on November 15, 2021, accepted on May 4, 2022

For citation: Aksenov, I.V. (2022). Referendum as an Institution of Political Participation: The Swiss Experience. *Discourse-P*, 19(2), 118-137. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_118

Abstract

The current trend in the development of public and municipal administration in foreign countries is an increase in political inclusion. The article is aimed at analyzing the referendum as an institution of political participation on the example of Switzerland, where on average over 10 national referendums are held annually – more than in all other European countries combined. Referendums are also organized at the level of Swiss cantons and municipalities. The study is based on the analysis of the organizational and legal framework of their implementation. The theoretical basis of the research is made up of relevant works of domestic and foreign authors researching the Swiss experience in a pan-European context. The empirical basis is the legal acts of Switzerland and data on referendums provided by the Federal Chancellery. The article pays special attention to the situation with plebiscites in the Swiss cantons: the available types of voting and the peculiarities of their implementation are compared. The author analyzes some high-profile referendums, for

example, on the issue of migration and the ban on the construction of minarets. It is concluded that the referendum is not an inherently valuable institution of political participation, but it contributes to the formation of a certain electoral culture. The main features of this culture are immunity to populism, high interest in politics, and a serious attitude to the political decision-making process. In the final part of the article, it is emphasized that the Swiss experience is autochthonous, so its direct copying seems impossible. However, the general principles laid down in the Swiss referendums can be applied in other countries.

Keywords:

Switzerland, political participation, referendum, mandatory referendum, optional referendum, popular initiative.

Введение

Актуальным трендом развития государственного и муниципального управления в зарубежных странах является рост политической инклюзии. Вовлечение широких масс в процесс принятия политических решений увеличивает их легитимность, способствует стабилизации политической системы и укрепляет обратные связи. Традиционным институтом политического участия являются выборы. Однако их недостаточно для принятия решений, политические последствия которых превышают срок каденции выборных лиц. Для принятия таких решений необходимы иные институты, основанные на консенсусе волеизъявления граждан. Одним из таких институтов является референдум, к использованию которого как способа легитимации политических решений все чаще прибегает ряд европейских стран.

Проведение референдума предполагает, что граждане берут на себя ответственность за наиболее значимые политические решения, безотносительно профессиональной оценки последствий. Его результаты могут иметь как обязательный характер, так и быть общим ориентиром для правительства и парламента при корректировке национальных целей и приоритетов.

Наибольшим историческим опытом проведения референдумов обладает Швейцария. По данным Венецианской комиссии, количество проведенных там плебисцитов превышает количество референдумов во всех остальных странах мира вместе взятых¹. Эта особенность позволяет говорить об особом отношении швейцарцев к институту референдума как основе политической партиципации.

Регулярное проведение референдумов в Швейцарской Конфедерации является продолжением принципа прямой демократии, на основе которого построена вся современная политическая система страны. Более того, отмечается, что «прямая демократия в форме референдумов является определяющим элементом политической культуры» (Салова, 2014, с. 96). Первый опыт ее применения датируется концом XIII в., когда в пределах географических границ

¹ *Referendums in Europe – An analysis of the legal rules in European states: Venice commission Report* (2005, November 2). Retrieved September 15, 2021, from [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD \(2005\) 034-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD (2005) 034-e)

современной Швейцарии стали проводить специальные сходы граждан, позволявшие совместно решать наиболее значимые вопросы развития общества и политического самоопределения. Однако о референдуме в современном его понимании можно говорить только начиная с 1848 г., когда в Конституции была закреплена норма, что ее пересмотр или изменение возможны только через обязательный конституционный референдум.

В 1874 г. появляется положение о факультативном референдуме – своеобразном всенародном опросе, который можно инициировать для корректировки правительственного курса, принятия или изменения спорных законов. Изначально его инициация была исключительной прерогативой федеральных и региональных органов власти. Но уже в 1891 г. была разрешена так называемая «народная инициатива», т. е. право населения самостоятельно инициировать плебисцит по значимым вопросам внутренней политики. «Такой вид референдума, как народная инициатива, – широко практикующийся в Швейцарии, позволяет гражданам определять повестку дня, поднимая те вопросы, которые, по мнению швейцарцев, требуют всенародного волеизъявления» (Велибеков, 2017, с. 182).

В 1921 г. появилось право проводить референдумы по вопросам внешней политики – на тему вступления в международные организации или имплементации международных договоров прямого действия, т. е. таких, ратификация которых автоматически создает доступные к применению нормы права (Галас, 2014). Международные договоры, на основании которых страна берет на себя общие обязательства, а их реализация может быть определена федеральными органами власти, не могут становиться объектами плебисцитов.

Включение вопросов международных отношений в сферу народных голосований стало следствием общественной дискуссии, вызванной вступлением Швейцарии в Лигу Наций. В обществе бытовало мнение, что это нарушает суверенитет страны. Как следствие, в 1920 г. было проведено голосование, на котором 56,3% избирателей высказались за вступление. Однако само решение было под угрозой, т. к. голосование кантонов дало 11,5 голосов против 10,5. Для сравнения: в том же году прошло еще четыре голосования – о запрете создания игорных заведений, встречное предложение о регулировании деятельности игорных заведений, изменение федеральных законов о нормах рабочего времени, регулировании трудовых договоров. Результаты каждого референдума были однозначными. В частности, референдум о запрете на создание игровых зон получил 14 голосов кантонов против 8. Результаты встречной инициативы по созданию игровых зон были еще более убедительными – 21,5 голосов кантонов. Остальные референдумы не требовали кантонального голосования, их результат определило абсолютное большинство – 50% + 1 голос граждан.

Всего в истории было три референдума о членстве Швейцарии в международных организациях. В 1992 г. прошел референдум о присоединении к Европейской экономической зоне, граждане с минимальным перевесом (50,3%) высказались против вступления. В этом случае результаты были еще более неоднозначными, что породило широкую экспертную дискуссию о том, можно ли решать данные вопросы с помощью институтов прямой демократии, или это должно оставаться прерогативой представительной демократии. Отмечалось, что это пример того, как мнение большинства граждан негативно отразилось на участии страны в процессах евроинтеграции (Buchan, 2012). Еще один ре-

ферендум прошел в 2002 г., когда граждане голосовали по поводу членства государства в ООН, что также вызвало бурные дискуссии о нарушении принципа нейтралитета (Ganser & Kreis, 2007).

Швейцарская модель федерализма и референдум

Швейцария является федеративным государством, состоящим из 26 субъектов и порядка 2740 муниципальных образований. Соответственно, референдумы могут проводиться на федеральном, региональном и местном уровнях. Как правило, в стране каждый год проходит хотя бы один референдум каждого типа, обычно более четырех (Direct democracy, 2008, p. 26). «В среднем только общенациональные референдумы проводятся в Альпийской республике каждые три месяца» (Соломонова, 2020, с. 50).

В 1989 г. предложена современная правовая формула подведения итогов плебисцитов. Несмотря на официальное название «Швейцарская Конфедерация», в стране действует федеративная форма территориального устройства. Одним из элементов швейцарского федерализма стал принцип, что для положительного исхода голосования необходимо набрать не только большинство голосов населения, но и большинство голосов субъектов федерации. При этом кантоны обладают полным голосом, равным единице, полукантоны – половиной голоса. Наличие полукантонов в федеративном устройстве обусловлено разделением целых кантонов по языковому или профессиональному принципу. Так, кантон Базель разделен на два полукантона – Базель-Штадт и Базель-Ланд, а кантон Аппенцелль – на полукантоны Аппенцелль-Аусерроден и Аппенцелль-Иннерроден. Также половиной голоса обладают кантоны Нидервальден и Обервальден. Общее количество голосов составляет 23, из них 20 – у 20 кантонов, 3 – у 6 полукантонов.

Принцип двойного голосования, когда требуется не только согласие населения, но и кантонов, обусловлен швейцарской моделью федерализма (Дубровина, 2019). Первый пример, когда население и кантоны расходились в оценке предлагаемых инициатив, случился в 1994 г. Тогда население большинством в 52,8% голосов приняло предложение об упрощении получения гражданства, но кантональное голосование отклонило инициативу: 10 – «за», 13 – «против». Результат кантонального голосования определяется исходя из мнения большинства граждан: голос получает тот вариант, за который высказалось абсолютное большинство в 50% + 1 голос принявших участие в голосовании.

Голосовать на референдуме имеют право все граждане, проживающие в стране или за границей, достигшие 18 лет. Только в 1971 г. электоральные права были предоставлены женщинам, также в результате референдума. А возраст в 18 лет был определен на референдуме в 1991 г. Нормативные акты не содержат каких-либо требований касательно порога явки избирателей, результаты будут действительны в любом случае².

² *Federal Constitution of the Swiss Confederation of 18 April 1999* (status as of 7 March 2021). Title 4. Retrieved May 20, 2021, from <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/en>

Результаты плебисцита всегда имеют обязательную юридическую силу и должны быть реализованы правительством. Однако существует разница между обязательными и факультативными референдумами. Обязательные проводятся в случае, когда происходит полный или частичный пересмотр Конституции; стране предлагается стать частью международной организации, правовые нормы которой будут распространены на граждан; для принятия федеральных законов по вопросам, не урегулированным органическим правом и срок действия которых составляет более одного года³. «В Швейцарии референдум – неотъемлемый элемент внесения изменений в Конституцию, но может быть проведен исключительно по инициативе народа либо в случае парламентских разногласий» (Галас, 2014, с. 55).

Также обязательный референдум может быть проведен в том случае, когда по каким-либо вопросам национальной политики возникает конфликт между федеральным правительством и кантональными властями. Обязательные референдумы могут быть инициированы федеральными органами власти, органами власти субъекта или населением. При определении результатов обязательных референдумов требуется двойное согласие – граждан и кантонов. Остальные вопросы могут рассматриваться в рамках факультативных референдумов, решение по которым принимается на основе воли большинства в 50% + 1 голос от принявших участие в голосовании избирателей безотносительно результатов по кантонам.

Для реализации права на так называемую «народную инициативу», т. е. проведения референдума по инициативе граждан, необходим сбор подписей. Для инициирования обязательного референдума нужно за срок не более 18 месяцев собрать 100 тыс. подтвержденных подписей, что составляет порядка 2% от общей численности избирателей (Близенков, 2017). Для факультативного референдума – 50 тыс. подписей. Голосование проводится не позднее 100 дней с момента подтверждения собранных подписей. Народная инициатива может быть сформулирована как предложение либо как уже подготовленный нормативный акт. В первом случае проект нормативного акта разрабатывается федеральным правительством, кантональным правительством или руководством муниципалитета. Если народная инициатива реализуется как подготовленный проект нормативного акта, федеральное правительство имеет право вынести на плебисцит его альтернативный вариант. В таком случае граждане могут не только определить актуальность предлагаемой новеллы, но и выбрать наиболее конструктивный вариант ее реализации. Отмечается, что «из стран Западной Европы на общенациональном уровне только в Швейцарии конституция содержит положения о народной инициативе» (Велибеков, 2017, с. 182).

В ходе конституционной реформы 2003 г. было существенно расширено понимание народной инициативы. В частности, была введена так называемая «общая народная инициатива». Данный механизм предполагал, что граждане могут инициировать не только изменения в основной закон страны, но также любое изменение федерального законодательства. Однако данная форма политической партиципации оказалась крайне невостребованной и уже в 2008 г. была отменена. Решение об отмене также было принято в ходе всенародного

³ Ibid. Title 4. Chapter 2. Art. 140.

голосования. Возник важный прецедент, когда принятые в ходе общего волеизъявления граждан политические инициативы были дезавуированы в такой же форме.

В свою очередь, факультативные референдумы могут проводиться по вопросам принятия нового федерального закона, изменения действующего закона или предложений, реализация которых требует изменения федерального законодательства. Такие референдумы требуют голосования простого большинства граждан, никаких дополнительных голосований, в том числе в парламентах разных уровней, проводиться не может. «Исторически факультативный референдум выполняет роль уравнивающего механизма народного вмешательства» (Самородова-Богацкая, 2014, с. 145).

Факультативные референдумы иных уровней проводятся по аналогичным правилам, однако они могут отличаться в зависимости от кантона. Каждый субъект Швейцарской Конфедерации вправе устанавливать свои правила проведения референдумов и участия в них населения. Например, могут быть различные нормы по сбору подписей. В западных франкофонных кантонах требуется поддержка порядка 15–20 % от общего числа избирателей, что существенно затрудняет реализацию народной инициативы и право на референдум. В то же время восточные и центральные германоязычные кантоны установили аналогичную федеральной норме – 5 % избирателей, поэтому там плебисциты проводятся чаще (Schiller, 2011, p. 15).

Также на региональном уровне могут проводиться иные виды референдумов, кроме обязательных и факультативных. В дополнение к двум указанным типам подавляющее число субъектов (25, исключение составляет кантон Во) проводят референдумы по вопросам местных финансов. Наиболее благоприятные условия для проведения местных референдумов сложились в кантоне Женева. Нормы регионального законодательства отличны от большинства франкоязычных кантонов и устанавливают необходимый минимум собранных подписей для проведения референдума в 2 % от общей численности избирателей. Также референдумы могут проводиться по любым вопросам местного значения, кроме предложений об отмене бюджета как такового. При этом допускаются плебисциты по поводу отдельных статей бюджета, увеличения или уменьшения ассигнований на определенные сферы, корректировка местных налогов и сборов (Агакишинева, 2018).

Региональное законодательство также определяет порядок проведения референдумов на муниципальном уровне. «Во многих муниципалитетах Швейцарии проводятся обязательные «финансовые референдумы», если сумма публичных расходов или заимствований превышает определенную (и, как правило, достаточно крупную) сумму» (Черкасов, 2018, с. 196).

В целом, анализируя опыт всех кантонов, можно выделить референдумы 8 типов⁴ (табл. 1).

⁴ В табл. 1 представлены данные по 7 типам референдумов. Кроме того, проводятся муниципальные референдумы.

Таблица 1 – Типы региональных референдумов в Швейцарии по кантонам (Direct democracy, 2008, p. 33)

Table 1 – Types of regional referendums in Switzerland, by canton (Direct democracy, 2008, p. 33)

Кантон	Конституционный референдум	Законодательный референдум		Финансовый референдум		Административный референдум	
	Обязат.	Обязат.	Факульт.	Обязат.	Факульт.	Обязат.	Факульт.
Цюрих	+	+	+		+		
Берн	+		+		+		+
Люцерн	+		+	+	+		
Ури	+	+		+	+		+
Швиц	+	+	+	+			
Обвальден	+		+		+		
Нидвальден	+		+	+	+	+	
Гларус	+	+		+		+	
Цуг	+		+		+		
Фрибур	+		+	+	+		
Золотурн	+	+	+	+	+	+	+
Базель-Штадт	+		+		+		+
Базель-Ланд	+	+	+		+		
Шаффхаузен	+	+	+	+	+	+	+
Аппенцель-Аусерроден	+	+	+	+			
Аппенцель-Иннерроден	+	+		+	+		
Санкт-Галлен	+		+	+	+		
Граубюнден	+		+	+	+		
Аргау	+	+	+		+		
Тургау	+		+	+	+		
Тичино	+		+		+		
Во	+	+	+				

	Конституционный референдум	Законодательный референдум	Финансовый референдум	Административный референдум
Вале	+	+	+	
Невшатель	+	+	+	
Женева	+	+	+	
Юра	+	+	+	

Первый вид референдумов – конституционные референдумы, которые могут проводиться во всех без исключения субъектах Швейцарии. Вопросы на референдумах такого рода могут касаться изменения основного закона кантона: каждая территориальная единица Швейцарии обладает собственной Конституцией.

Следующий вид референдумов – законодательные референдумы. Они касаются введения, отмены или корректировки региональных законов. Такие референдумы могут быть обязательными, тогда их результаты императивно реализуются кантональным правительством, или факультативными, решения которых служат ориентиром для корректировки региональной политики. В большинстве кантонов разрешен только один вид законодательных референдумов, но в некоторых (Цюрих, Швиц, Золотурн и др.) законодательство допускает проведение и тех, и других, устанавливая различия в их организации. Практика референдумов такого рода является неоднозначной. Так, в кантоне Санкт-Галлен «народ, воспользовавшись правом вето, отверг либеральный закон об отношении церкви к государству. Известны случаи, когда граждане отвергали законы, направленные на улучшение трудового законодательства» (Руденко, 2003b, с. 250).

Аналогично обязательными и факультативными могут быть финансовые референдумы, проводимые по вопросам региональных или муниципальных налогов и сборов. В подавляющем большинстве кантонов такие референдумы либо являются факультативными, либо существует возможность проведения как факультативных, так и императивных. К исключениям относятся кантоны Швиц, Гларус, Аппенцель-Аусерроден, где голосование можно проводить только с помощью императивного референдума. Ограничения возможности проведения факультативных референдумов хотя и увеличивают значимость голосования как такового, однако приводят к тому, что голосования данного вида проводятся крайне редко, т. к. трудны в организации и могут иметь крайне серьезные последствия для функционирования кантональной экономики.

Административные референдумы проводятся в том случае, когда решение референдума не содержит норм права. Плебисциты такого рода могут касаться

вопросов оперативного управления, организации хозяйственной деятельности и т. п. Там могут быть решены спорные вопросы экономического характера, организации транспорта и др. Данный тип референдума применяется сравнительно недавно, как федеральная норма он окончательно оформлен только в 1999 г. (Ауэр, 2004). В связи с этим только ограниченное число субъектов Швейцарской Конфедерации приняли данную норму на уровне регионального законодательства. В частности, их проведение в качестве обязательного референдума возможно в кантонах Нидвальден и Гларус, в качестве факультативного – в Берне и Люцерне, а в Золотурне и Шаффхаузене существует возможность проведения плебисцитов обоих видов. Таким образом, административный референдум может быть проведен чуть больше чем в четверти субъектов.

Часть региональных референдумов проходит в соответствии с принципом так называемого «конструктивного референдума». Он подразумевает, что при проведении всенародного голосования по какой-либо инициативе должна быть представлена ее альтернатива. Это может быть реализовано как с помощью механизма, когда инициированный органами власти референдум дополняется народной инициативной, так и наоборот – когда в противовес народной инициативе органы власти представляют свой проект решения (Руденко, 2003b, с. 203).

В целом кантональные референдумы касаются вопросов, связанных с территориальной организацией политической власти, в том числе в целях государственного строительства. Подобная возможность обеспечивает швейцарскому федерализму высокий уровень устойчивости и адаптивности. В случае возникновения каких-либо существенных противоречий на почве языка или религии, а также иных значимых социальных отличий, граждане имеют право изменить форму организации политической власти. Для этого может быть создан новый субъект, изменены существующие границы между кантонами или приняты иные решения, обеспечивающие изменения в административно-территориальном устройстве. Большинство таких решений основывается на сумме результатов муниципальных референдумов.

Примером таких решений служат: создание кантона Тичино из Лугано и Беллинцона (Нестерова, Чудинова, 2016), в ходе которого граждане сформировали из разрозненных территорий новый кантон, основанный на общности языка (Нестерова, Чудинова, 2017); выделение кантона Юра из состава Берна, что стало следствием нарастания социально-экономических различий (Журавлева, 2017). В случае когда создание независимого кантона или корректировка границ не представляются возможными, могут приниматься иные решения. Примером является придание ретороманскому языку государственного статуса (как на национальном, так и на региональном и местном уровнях) ввиду территориальной разобщенности его носителей (Kuźelewska, 2016). Вопрос языковой политики кантона и каждого муниципалитета разрешается исключительно путем референдума. Динамичное изменение принципов территориальной организации органов власти является особенностью швейцарской модели федерализма и залогом ее высокой устойчивости и адаптивности.

Возможность проведения референдумов на всех уровнях управления создает условия для эффективной децентрализации швейцарского государства, что приводит к высокому качеству государственного управления. «Тот факт, что на муниципальном уровне решается достаточно много задач, объясняет, почему

Швейцария является довольно хорошо управляемой страной» (Молокаева, 2020, с. 69).

Обратной стороной широкого круга возможностей для проведения референдума является проблема регионализации. С одной стороны, она проявляется в латентной проблеме сепаратизма, медиация которой происходит за счет высокого уровня жизни и нормативных ограничений прав регионов со стороны федеральных властей. «Входящие в состав федерации кантоны не обладают суверенитетом, не обладают верховенством на своей территории, лишены права сепарации и не имеют независимости в международных отношениях», а основные законы каждого кантона одобряются федерацией (Муртазалиев, Гаджиев, 2020). С другой стороны, существует проблема использования права региональной репрезентации в целях манипуляции – проведение референдума как способа выбить финансирование для региона или муниципалитета (Бедерсон, Шевцова, 2021).

При этом нельзя однозначно сказать, что наличие широкого круга возможностей для политической партиципации автоматически приводит к востребованности ее институтов. Наблюдается рост политического абсентеизма, связанный с уровнем, на котором проводится плебисцит. Так, на федеральном уровне явка наиболее высокая, на региональном уровне снижается и достигает минимальных значений на муниципальных референдумах. Для преодоления этого явления делаются попытки внедрения и популяризации практик дистанционного голосования. В частности, повсеместно внедрено голосование по почте. Активно обсуждается введение электронного голосования, но реализация данной новеллы искусственно замедляется органами власти и не поддерживается населением, что показывают плебисциты по этому поводу. На федеральном уровне вопрос о применении электронного голосования не урегулирован и решается преимущественно на региональном уровне. Лидерами в развитии данной технологии являются Женева, Невшатель и Цюрих.

Количество возможностей для политической партиципации в Швейцарии увеличивается соразмерно уменьшению уровня административного устройства. Если на федеральном уровне любые голосования строго регламентированы, имеют ряд ограничений и проходят административные проверки, то на региональном уровне степень административного контроля резко снижается, а на коммунальном уровне вопросы для референдума практически не регламентированы, допускается проводить плебисциты даже по отзыву местных администраций.

Нормативно-организационная основа швейцарского референдума

Организация проведения референдумов, как и иных форм политической партиципации, основной из которых являются выборы, основывается на системе, в которую входит Федеральная канцелярия и 26 кантональных избирательных органов, определяемых и организуемых субъектами самостоятельно. Нормативную основу для голосования составляют Федеральный закон о политических правах от 17 декабря 1976 г.⁵ и ряд подзаконных актов, принятых для его реализации.

⁵ *Federal act on political rights of 17 December 1976* (status as of 7 March 2021). Retrieved September 20, 2021, from https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1978/688_688_688/en

Развитие избирательной системы Швейцарии направлено на централизацию, что вызвано повышением политической роли федеральных институтов, а также необходимостью проведения единой политики в отношении составления списка избирателей и определения механизмов для реализации политических прав. С этими целями создаются централизованные регистры избирателей, активно продвигается идея внедрения электронных удостоверений личности.

В Швейцарии установлен строгий запрет на проведение референдумов в один день с выборами. Это отличает ее от большинства европейских стран, где плебисциты зачастую используются в дополнение к основным выборам для привлечения внимания, увеличения явки и расширения возможностей для политического маневра партиям. Такой подход негативно оценивается швейцарцами, предполагая, что обилие политической агитации негативно сказывается на объективности граждан при голосовании. В отличие от стран Европейского союза швейцарская «модель предполагает гораздо большую активность и самостоятельность граждан в принятии публично-властных решений» (Руденко, 2003а). В то же время способом увеличения явки является вынесение сразу нескольких вопросов на один день референдума, что затрагивает разные слои населения и привлекает внимание к плебисциту.

Так, например, на 2021 г. было назначено четыре национальных дня проведения референдумов: 7 марта, 13 июня, 26 сентября и 28 ноября. В марте на голосование было вынесено три инициативы. Первые две – запрет на ношение одежды, которая полностью закрывает лицо; и ратификация соглашения об экономическом сотрудничестве с Индонезией – были одобрены (51,2% голосов избирателей и 20 голосов субъектов; 51,6% голосов избирателей и 20 голосов субъектов, соответственно). Еще одна инициатива о введении электронного удостоверения личности была отвергнута (64,3% голосов и 26 голосов субъектов против). В июньский цикл прошло еще больше референдумов – пять. Инициативы по корректировке законодательства по профилактике COVID-19 и мерах полиции по борьбе с терроризмом были одобрены, остальные три отклонены. Сентябрьский цикл включал в себя только два вопроса, но ввиду резонансного характера одного из них (вопроса о легализации однополых браков) продемонстрировал высокий интерес со стороны избирателей.

Показатель явки на референдумы в Швейцарии не является однородным. До конца Второй мировой войны на национальном уровне средняя явка избирателей составляла около 50%. С начала 1960-х до середины 1980-х гг. показатель опустился до 40%, а на сегодняшний день находится в районе 45% (наиболее значимым фактором является тема референдума, поэтому в разные дни показатель варьируется от 35 до 70%).

Обилие разнородных голосований делает избирателей более ответственными и менее восприимчивыми к лозунгам партий. «Высокий уровень невосприимчивости швейцарских избирателей к популистским лозунгам подтверждается результатами многих народных голосований последних шести лет» (Лафитский, 2019, с. 34). Также отличительной особенностью является тот факт, что между результатами голосования в городских и сельских районах нет принципиальных отличий, как это бывает в других странах. Эта специфика также объясняется высокой электоральной культурой швейцарцев, сформированной частым участием в референдумах (Грибовский, 2020).

Непосредственная организация проведения любого референдума начинается не позднее чем за четыре месяца до дня голосования. Правительство Швейцарии – Федеральный совет – определяет, какие именно предложения будут вынесены на голосование, после чего Федеральная канцелярия передает кантональным органам список точных формулировок вопросов. Также выпускаются специальные буклеты, публикуемые на четырех официальных языках и направляемые в каждый кантон для распространения среди избирателей. В буклет включается информация обо всех инициативах и заключение правительственных органов касательно их влияния на развитие страны. «Представленность в правительстве четырех основных политических партий гарантирует, что представляемая избирателям информация будет сбалансированной» (Direct democracy, 2008, p. 31).

Федеральный совет может отклонять какие-либо заявки о проведении плебисцита, если сочтет их формулировки некорректными, оскорбительными или длинными. В то же время правительство правомочно и скорректировать формулировки, предложенные инициаторами голосования. Однако данные действия должны получить согласие со стороны кантонов, иначе проведение голосования становится невозможным.

В свою очередь, региональные правила проведения голосований могут отличаться. Так, например, четыре субъекта имеют единые списки избирателей, в то время как в 22 избирательные списки формируются на уровне муниципалитетов. Управление избирательными участками осуществляется аналогично, либо организуется на кантональном уровне, либо на муниципальном. По окончании голосования каждый кантон собирает информацию о результатах голосования с избирательных участков и передает ее Федеральной канцелярии, которая подводит итоги голосования. Отдельно приводятся данные о результатах всенародного голосования и результатах голосования кантонов. Также кантоны вправе проводить местные референдумы в один день с национальными, увеличивая таким образом количество выносимых на голосование вопросов. Однако на эти дни не могут быть назначены региональные или местные выборы.

Как уже отмечалось, для организации референдумов необходимо формировать инициативные группы и собирать установленное количество подписей. Какая-либо финансовая поддержка в этом процессе со стороны государства или кантонов не предоставляется. Единственная помощь – выделение одной полосы в официальной брошюре для избирателей. Однако низкая востребованность народной инициативы порождает активные общественные дискуссии о мерах экономической поддержки для инициативных групп (Самородова-Богацкая, 2014). Также существует инициатива проведения референдума по данному вопросу.

Крайне дискуссионным остается вопрос о количестве необходимых для инициирования референдума подписей избирателей и сроках их сбора. Федеральный совет неоднократно предлагал увеличить необходимый процент собираемых подписей, но данная инициатива не только не нашла поддержки в обществе, даже парламент отказался ее рассматривать. В то же время большую популярность набирает идея увеличения сроков, за которые необходимо собрать подписи. Введение дистанционных технологий голосования, в основном голосование по почте, негативно отразилось на возможности сбора подписей

в традиционной форме. Данная проблема могла бы быть решена введением электронного голосования при условии, что инициативным группам референдумов разрешат собирать подписи в электронной форме, но эта возможность фактически была утрачена в результате провала референдума о введении электронных удостоверений личности в 2021 г. Соответственно, на национальном и кантональном уровнях у граждан нет возможности совершать значимые действия в области политической партиципации вне традиционной формы, даже несмотря на эксперименты по электронному голосованию, активно проводимые кантонами Женева, Цюрих и Невшатель.

Общий интерес избирателей к референдумам показывает неуклонный рост. С 2000 г. в среднем Швейцария проводит 10,8 национальных референдумов в год против 10 в 1990-е гг. и 6,2 в 1980-е гг. Примерно половина референдумов проводится по вопросам изменения Конституции, большая часть оставшихся касается вопросов корректировки федерального законодательства. Около трети инициатив о проведении референдумов не доходят до голосования в связи с тем, что инициативные группы не успевают собрать необходимое количество подписей (Салова, 2014).

Большинство проводимых в Швейцарии референдумов направлены на поддержку реализации каких-либо инициатив. Также широко распространена практика, когда в ответ на инициативу о референдуме парламент принимает удовлетворительное решение, не доводя до всенародного голосования.

Доля проводимых в Швейцарии обязательных референдумов растет с каждым годом, в то время как народная инициатива становится все менее востребованной. Отмечается, что это является показателем тенденции «к расширению сферы регулирования швейцарского федерального законодательства» (Велибеков, 2017, с. 183).

Государство не проводит четкой границы между прямой и представительной демократией, рассматривая референдум не только как прямое волеизъявление граждан, но и механизм политической партиципации. «Прямая демократия... дополняет представительную... Другие формы участия населения в решении разнообразных вопросов публичной жизни (как правило, непосредственно не связанные с голосованием по актуальным вопросам местной политики) все чаще обозначаются термином «партиципационная демократия» (Черкасов, 2018, с. 195).

При этом границы политической партиципации в Швейцарии могут восприниматься как идущие вразрез с общеевропейскими ценностями. Такой случай имел место при проведении референдума о запрете строительства минаретов в 2009 г., когда при явке в 53 % проголосовали за запрет 57,5 % граждан и 85 % кантонов. Исключение составили Женева, Вальд, Невшатель и Базель-Штадт. «Парадоксальным образом некоторые европейские политологи после случая с запретом минаретов говорят даже о коллизии между швейцарским референдумом как основным инструментом прямой демократии и европейским «демократическим правовым государством», рассматривая данный кейс как решающий аргумент против введения референдумов в остальной Европе» (Близенков, 2017, с. 121). Следующей точкой нарастания противоречий стал 2014 г., когда швейцарцы с минимальным перевесом (50,3 % голосов) проголосовали за применение ограничительных мер к миграции (Грибовский,

2020). Другим примером противоречия европейским тенденциям развития является прошедший в 2016 г. референдум о базовом безусловном доходе. Его результаты противоречат не духу европейских ценностей, а общим принципам социально-экономического развития: в то время как ряд стран активно проводили эксперименты о внедрении базового безусловного дохода, преподнося это как форму естественной эволюции социальной политики государства, швейцарцы выступили против его введения 76,9% голосов (Золотов, Шилов, 2016).

Заключение

Обобщая полученные результаты, можно сделать ряд выводов.

1. Референдум является неотъемлемым институтом политической партиципации в Швейцарии. Он неотделим от модели швейцарской демократии, в которой не проводится четкого различия между ее прямой и представительной формой. Решения референдумов воспринимаются как общеобязательные, и даже в отсутствие императивной юридической силы реализуются правительствами всех уровней.

2. Референдумы используются как способ решения политических конфликтов и национально-территориального строительства. История страны богата примерами, связанными с радикальным сепаратизмом, основанным на различиях в языке, религии и культуре. Тем не менее применение плебисцитов позволило практически никогда не доводить до эскалации, обеспечивая высокую адаптивность государственного управления.

3. Частое проведение референдумов приводит к сглаживанию политических отличий и высокой электоральной культуре. В отличие от большинства государств мира в Швейцарии нет значимых электоральных отличий между территориями, обусловленными степенью урбанизации. Отличия в электоральных предпочтениях имеют социально-экономическую природу и не зависят от территории проживания. Также отличий нет ни по линиям север-юг, запад-восток, ни по языковой принадлежности кантонов. Подобная культура экстраполируется не только на голосование по референдумам, но и на партийные предпочтения. Граждане Швейцарии крайне устойчивы к популистским идеям и делают политический выбор согласно анализу реальной политики, а не лозунгам политических партий. Эта ситуация объясняется именно высокой частотой участия в референдумах и воспроизводится даже несмотря на прямой запрет проводить выборы и референдумы в один день.

4. Несмотря на высокий интерес к референдуму, наблюдается рост абсентеизма и низкой заинтересованности в референдумах, инициированных населением. Основным двигателем инициатив являются политические движения и органы власти. Высокий уровень доверия к данному институту делает его релевантным инструментом для государственного строительства и корректировки законодательства всех уровней.

5. Наблюдается тенденция к централизации, несмотря на высокий уровень децентрализации в организации референдумов. Растет политическая роль федеральных органов власти в процессах проведения референдумов на всех уровнях. Это проявляется в стремлении стандартизировать правила проведения кантональных и муниципальных референдумов, формировании

единого федерального списка избирателей, внедрении единых электронных карт идентификации личности.

6. Некоторые кантоны устанавливают завышенные требования для организации референдумов по инициативе «снизу», что приводит к снижению количества региональных референдумов. На федеральном уровне эта тенденция откликается в предложениях со стороны Федерального совета по ужесточению условий для инициации референдума. В то же время граждане обсуждают прямо противоположные меры, предлагая создать официальные механизмы экономической поддержки инициативных групп по организации референдумов и увеличить сроки, в которые необходимо собирать подписи.

7. Швейцарский опыт проведения референдумов не рассматривается как модельный в иных государствах. Высокое число референдумов воспринимается как автохтонный политический опыт и не связывается с современными моделями демократии и политического участия. Более того, резонансные решения – запрет на строительство минаретов, ограничение миграции, запрет на ношение закрытой одежды и т. д. – трактуются как отступление от европейских или общечеловеческих ценностей. При этом не подвергается сомнению тот факт, что само влияние референдумов на политическую культуру страны является положительным.

В целом опыт Швейцарии в проведении референдумов является примером сращивания прямой и представительной демократии, формируя модель политической партиципации, когда права и свободы граждан воспринимаются как естественные, а не как привилегии. Проведение референдумов не является жизненно важным для развития политической системы страны, но их влияние на политическую культуру позволяет гражданам более рационально и ответственно подходить к процессу принятия решений в иных сферах. Соответственно, референдумы не являются самоценным институтом политической партиципации, но их проведение служит критерием эффективности других институтов.

Список литературы

1. Агакишиев, Э.Г. (2018). Вопросы местного референдума: нормативные требования в России и зарубежных странах. *Административное и муниципальное право*, (8), 26–35. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2018.8.27551>
2. Ауэр, А. (2004). Референдумы в Швейцарии. *Сравнительное конституционное обозрение*, (3), 152–155.
3. Бедерсон, В.Д., Шевцова, И.К. (2021). Регионалистские движения в современной Швейцарии: примеры Тичино и Бернской юры. *Современная Европа*, (3), 50–60. <https://doi.org/10.15211/soveurope320215060>
4. Близнаков, В.Л. (2017). Запрет на строительство минаретов в Швейцарии vs свобода вероисповедания в Европе: правовые, политические и социальные аспекты. *Социология власти*, 29(4), 104–126. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-4-104-126>
5. Велибеков, М.С. (2017). Типы референдумов и особенности их конституционной институционализации в странах Западной Европы. *Образование и право*, (5), 181–183.

6. Галас, М.Л. (2014). Некоторые аспекты институционализации референдумов в новейшей истории. *Пространство и Время*, (2), 49–56.
7. Грибовский, В.С. (2020). Швейцарский референдум по вопросам иммиграции. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (6), 74–79. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620207479>
8. Дубровина, О.Ю. (2019). Швейцария: распределение полномочий между Конфедерацией и кантонами в сфере международных отношений. *Современная Европа*, (1), 70–79. <https://doi.org/10.15211/soveurope120197079>
9. Журавлева, А.М. (2017). Языковые конфликты и пути их решения: опыт Швейцарии. *Исторический журнал: научные исследования*, (2), 1–13.
10. Золотов, С.А., Шилов, М.Л. (2016). Безусловный основной доход: сущность и проблемы реализации. *Вестник НГИЭИ*, (9), 7–14.
11. Лафитский, В.И. (2019). Референдумы и народные инициативы в современной социально-экономической жизни Швейцарии. *Избирательное законодательство и практика*, (2), 33–36.
12. Молокаева, О.Х. (2020). Муниципальная демократия: отечественный и зарубежный опыт. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*, (2), 66–71.
13. Муртазалиев, А.М., Гаджиев, Д.З. (2020). Централизация власти в зарубежных федеративных государствах: сравнительный анализ. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки*, 35(1), 54–62. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2020-35-1-54-62>
14. Нестерова, Т.П., Чудинова, Е.Д. (2016). Развитие регионов Южной Швейцарии и создание кантона Тичино в 1803 году. *Научный диалог*, (10), 250–260.
15. Нестерова, Т.П., Чудинова, Е.Д. (2017). Создание Итальянской Швейцарии: Кантон Тичино в XIX веке. *Научный диалог*, (3), 189–201. <https://doi.org/0.24224/2227-1295-2017-3-189-201>
16. Руденко, В.Н. (2003а). Конституционные модели референдума в странах Европейского союза, Швейцарии и России. *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*, (1), 10–20.
17. Руденко, В.Н. (2003б). *Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты*. Екатеринбург: Уральское отделение РАН.
18. Салова, С.А. (2014). Референдум в Швейцарии. *Актуальные проблемы права, экономики и управления*, (10), 96–98.
19. Самородова-Богацкая, Л.В. (2014). Эволюция института референдума и народной инициативы в Швейцарии: историко-правовой подход (федеральный уровень). *Труды Института государства и права Российской академии наук*, (4), 135–148.
20. Соломонова, С.А. (2020). Особенности прямой демократии в Швейцарии. *Правоприменение*, 4(1), 49–55. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(1\).49-55](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(1).49-55)
21. Черкасов, А.И. (2018). Прямая и партисипационная демократия как средство вовлечения населения в процесс принятия решений на местном уровне. *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 13(2), 190–215.

22. Buchan, D. (2012). *Outsiders on the inside: Swiss and Norwegian lessons for the UK*. London: Centre for European Reform.
23. *Direct democracy: The International IDEA handbook* (2008). Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance.
24. Ganser, D., & Kreis, G. (2007). *Swiss neutrality: Incompatible with EU membership?* In C.H. Church (Ed.), *Switzerland and the European Union. A close, contradictory and misunderstood relationship* (pp. 52–78). New York: Routledge.
25. Kuzelewska, E. (2016). Language policy in Switzerland. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 45(1), 125–140.
26. Schiller, T. (Ed.). (2011). *Local direct democracy in Europe*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. <https://doi.org/10.1007/978-3-531-92898-2>

References

1. Agakishiev, E.G. (2018). Voprosy mestnogo referendum: normativnye trebovaniya v Rossii i zarubezhnykh stranax [Local referendum issues: Regulatory requirements in Russia and foreign countries]. *Administrativnoe i municipal'noe pravo*, (8), 26–35. <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2018.8.27551>
2. Auer, A. (2004). Referendумы v Shvejcarii [Referendums in Switzerland]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie*, (3), 152–155.
3. Bederson, V.D., & Shevtsova, I.K. (2021). Regionalistskie dvizheniya v sovremennoj Shvejcarii: primery Tichino i Bernskoj yury [Regionalist movements in contemporary Switzerland: Ticino and Bernese Jura cases]. *Sovremennaya Evropa*, (3), 50–60. <https://doi.org/10.15211/soveurope320215060>
4. Bliznekov, V.L. (2017). Zapret na stroitel'stvo minaretov v Shvejcarii vs svoboda veroispovedaniya v Evrope: pravovye, politicheskie i social'nye aspekty [The prohibition on the construction of minarets in Switzerland vs freedom of religion in Europe: Legal, political and social aspects]. *Sociologiya vlasti*, 29(4), 104–126. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-4-104-126>
5. Buchan, D. (2012). *Outsiders on the inside: Swiss and Norwegian lessons for the UK*. London: Centre for European Reform.
6. Cherkasov, A.I. (2018). Pryamaya i partisipacionnaya demokratiya kak sredstvo вовлечeniya naseleniya v process prinyatiya reshenij na mestnom urovne [Direct and participatory democracy as the means of citizen's involvement into the local decision-making]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, 13(2), 190–215.
7. *Direct democracy: The International IDEA handbook* (2008). Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance.
8. Dubrovina, O. Yu. (2019). Shvejcariya: raspredelenie polnomochij mezhdru Konfederaciej i kantonami v sfere mezhdunarodnykh otnoshenij [Switzerland: The Delimitation of powers between the Confederation and the cantons in the field of international relations]. *Sovremennaya Evropa*, (1), 70–79. <https://doi.org/10.15211/soveurope120197079>
9. Galas, M.L. (2014). Nekotorye aspekty institucionalizacii referendumov v novejshej istorii [Some aspects of referendum institutionalization in modern history]. *Prostranstvo i Vremya*, (2), 49–56.

10. Ganser, D., & Kreis, G. (2007). *Swiss neutrality: Incompatible with EU membership?* In C.H. Church (Ed.), *Switzerland and the European Union. A close, contradictory and misunderstood relationship* (pp. 52–78). New York: Routledge.
11. Gribovsky, V. S. (2020). Shvejcarskij referendum po voprosam immigracii [Referendum on immigration in Switzerland]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, (6), 74–79. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran620207479>
12. Kuzelewska, E. (2016). Language policy in Switzerland. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, 45(1), 125–140.
13. Lafitskiy, V.I. (2019). Referendумы i narodnye iniciativy v sovremennoj social'no-e'konomicheskoy zhizni Shvejcarii [Referendums and popular initiatives in the modern socioeconomic life of Switzerland]. *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, (2), 33–36.
14. Molokaeva, O.Kh. (2020). Municipal'naya demokratiya: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt [Municipal democracy: Domestic and foreign experience]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo. Referativnyj zhurnal*, (2), 66–71.
15. Murtazaliev, A.M., & Gadzhiev, D.Z. (2020). Centralizaciya vlasti v zarubezhnyx federativnyx gosudarstvax: sravnitel'nyj analiz [Centralization of power in foreign federal states: A comparative study]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshhestvennye nauki*, 35(1), 54–62. <https://doi.org/10.21779/2500-1930-2020-35-1-54-62>
16. Nesterova, T.P., & Chudinova, E.D. (2016). Razvitie regionov Yuzhnoj Shvejcarii i sozdanie kantona Tichino v 1803 godu [Development of South Switzerland regions and creation of canton of Ticino in 1803]. *Nauchnyj dialog*, (10), 250–260.
17. Nesterova, T.P., & Chudinova, E.D. (2017). Sozdanie Ital'yanskoj Shvejcarii: Kanton Tichino v XIX veke [Creating Italian Switzerland: Canton of Ticino in 19th century]. *Nauchnyj dialog*, (3), 189–201. <https://doi.org/0.24224/2227-1295-2017-3-189-201>
18. Rudenko, V.N. (2003a). Konstitucionnye modele referendumov v stranah Evropejskogo sojuza, Shvejcarii i Rossii [Constitutional models of the referendum in the countries of the European Union, Switzerland and Russia]. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropskoe obozrenie*, (1), 10–20.
19. Rudenko, V.N. (2003b). *Prjamaja demokratija: modeli pravlenija, konstitucionno-pravovye instituty* [Direct democracy: Models and constitutional-legal institutions]. Ekaterinburg: Ural'skoe otdelenie RAN.
20. Salova, S.A. (2014). Referendum v Shvejcarii [Referendum in Switzerland]. *Aktual'nye problemy prava, e'konomiki i upravlenija*, (10), 96–98.
21. Samorodova-Bogutskaya, L. V. (2014). E'voljucija instituta referendumov i narodnoj iniciativy v Shvejcarii: istoriko-pravovoj podxod (federal'nyj uroven') [The evolution of the institute of the referendum and popular initiative of federal rank in Switzerland: Historian-legal approach]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, (4), 135–148.
22. Schiller, T. (Ed.). (2011). *Local direct democracy in Europe*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. <https://doi.org/10.1007/978-3-531-92898-2>
23. Solomonova, S. A. (2020). Osobennosti pryamoj demokratii v Shvejcarii [Features of direct democracy in Switzerland]. *Pravoprimenenie*, 4(1), 49–55. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(1\).49-55](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(1).49-55)

24. Velibekov, M.S. (2017). Tipy referendumov i osobennosti ix konstitucionnoj institucionalizacii v stranax zapadnoj Evropy [Types of referendums, and features of their constitutional institutionalization in Western Europe]. *Obrazovanie i pravo*, (5), 181–183.

25. Zhuravleva, A.M. (2017). Yazykovye konflikty i puti ix resheniya: opyt Shvejcarii [Language conflicts and ways to solve them: The Swiss experience]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya*, (2), 1–13.

26. Zolotov, S.A., & Shilov, M.L. (2016). Bezuslovnyj osnovnoj dohod: sushhnost' i problemy realizacii [Basic income: Nature and problems of realization]. *Vestnik NGIE'I*, (9), 7–14.

Информация об авторе

Игорь Владимирович Аксёнов, депутат Законодательного Собрания Свердловской области, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-4714>, e-mail: aks-i@yandex.ru

Information about the author

Igor Vladimirovich Aksenov, Member of the Legislative Assembly of the Sverdlovsk Region, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0451-4714>, e-mail: aks-i@yandex.ru